
Лента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ● 1 ● 1993

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Николай Шпилов. Детская война. Роман. 3
- Евгений Грюнберг. По спальне лодка проплывает... Каждый ее распрекрасную ласково звал... Как ангина, так в холод и в пот... Как ты скоро к нам бедным... Порча. Стихи 45
- Дмитрий Киясов. Покер одноклассников. Повесть. 49
- Николай Шамсутдинов. Пенорожденная, вышла из пены... Ностальгическое. Солнечно... Стихи. 99
- Юрий Мамлеев. Чарли. Рассказ. 101

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Борис Зайцев. Изгнание. 115
- Георгий Адамович. Сомнения и надежды. Публикация В. Денисова. 117
- Александр Фокин. Любившие Россию. 123
- Вячеслав Костиков. Последний пароход. 126

НАСЛЕДИЕ

- Ваш богомолец Жуковский. Вступление Алексея Бархатова. 151
- Василий Жуковский. Рассуждения и размышления.
Из публицистики 1846—1847 гг. 152

КРИТИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛЕПТЫ».

Взгляд на современную литературу. 167

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Владислав Крапивин. Сказки о рыбаках и рыбках.

Повесть из цикла «В глубине Великого Кристалла». . . . 184

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Алексей БАРХАТОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вячеслав СУКАЧЕВ

Заместитель
главного редактора

Валентина ХАРЬКОВА

Заместитель
главного редактора

Александр БЕЛАЙ

Проза и поэзия

Игорь ПОПОВ

Публикации

Инна РОСТОВЦЕВА

Критика и публицистика

УЧРЕДИТЕЛЬ: РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Юрий Мамлеев

ЧАРЛИ

Рассказ

Было лето. Солнце на пустом небе светило как раскаленная печка в аду. Нью-Йорк — низкий, приземистый, особенно по сравнению с бесконечным небом над ним — задыхался, но каменные громады — непомерно большие, если смотреть на них вблизи — были ко всему безразличны. Они застыли на жаре как истуканы, лишённые гайного смысла.

Огромное каменное кладбище загромоздило пространство на берегу Гудзона пролива против небоскребов Манхэттена, надгробия походили на маленькие небоскребы; такие же монотонно тупые, с улочками между ними, непробиваемые... они теснили друг друга, словно им не было места.

Место, действительно, стоило очень дорого.

Рядом прорезалось шоссе, громыхали машины, но ни живые люди, ни мертвые почти не слышали этого грохота, оглушенные своей жизнью и небытием... По ту сторону шоссе и города мертвых громоздился город живых, уже не Манхэттен — а другой регион: скопище кирпичных, двух-трехэтажных безобразных домиков, напоминающее в целом прочный муравейник.

...Почти над всеми каменными надгробиями возвышались такие же тяжелые кресты, которые напоминали почему-то молотки. Изваяния ангелов были на редкость стандартны и безразличны.

Крэк вылез из ямы около одной такой могилы. Нет, он был живой и не похоронен еще. Просто Крэк, ничего не понимая, любил жить около камней. Кладбище напоминало ему Манхэттен, но в Манхэттене могли убить, а на кладбище — реже.

Был он толстоватый мужчина средних лет в потертом грязном черном костюме и с редкими волосами на голове. Юрковато оглянувшись, он направил свой путь туда — в бездну домишек за кладбищем. Скоро он очутился на улице...

Озираясь на подозрительных людей, он вошел в местный бар, неотличимый от домов-коробочек на улице.

— Хау а ю? — спросил он.

— Хау а ю? — ответили ему.

Потом он просидел молча полтора часа за двумя стаканами пива. Молчали и все остальные, рассеявшиеся на длинных стульях вокруг стойки. Только орал телевизор в углу: кого-то резали.

Через полтора часа первая более или менее спокойная мысль вошла в голову Крэка: «А ведь скоро я буду хохотать».

С хохотом у Крэка было связано самопознание.

Он знал, что все у него началось с хохота, без хохота он бы вообще ничего не значил.

Что бы он делал после своего краха и безработицы, а потом больницы, если бы он не мог хохотать? Хохот пришел как избавление во

тьме, но главное было то, что, хохоча, он провидел то, что недоступно ординарному уму (в этом был весь секрет и весь плюс). Лучше же всего он провидел собственную смерть. Когда приступ хохота только начинался, он обычно сразу видел собственные похороны, со всеми деталями, отмечая фирму, которая его хоронила, и сколько собак шло за гробом. Тогда он начинал еще сильнее хохотать, как будто в хохоте было освобождение.

— Что ты хохочешь, дерьмо? — спрашивали его порой окружающие.

И он частенько отвечал:

— Я хохочу, потому что я — не дерьмо, а труп. Вот почему я хохочу.

И инфантильные любопытные разбежались от него.

Но он останавливал некоторых из них, рассказывая о своем прочтении и о пышном гробе, в котором его похоронят. Он хотел возбудить у людей зависть.

Однажды Крэк, хохоча целый день, носился, как будто он был странным, но деловым человеком, по Манхэттену, плюясь и стараясь найти человека, который бы выслушал его. Дважды на него наставляли нож, но потом отпускали — не потому, что с него нечего было взять (взять было, конечно, нечего), а потому, что он хохотал.

Что же в конце концов видел Крэк во время хохота? Нередко в первой половине приступа точно сияние образовывалось в его мозгу, и тогда он начинал бормотать сквозь хохот, издавая бессмысленные звуки (он давно подозревал, что владеет ангельским языком — заметим, что Крэк отнюдь не был чужд теологии). Потом в этом сиянии он прозревал собственные похороны. И картина была всегда одна и та же, правда, не совсем ординарная.

...Крэк, призадумавшись в этом вонючем баре около кладбища, еще раз вспомнил, заглянув в телевизор, обстоятельства своих будущих похорон. Он, как и все его современники, обожал статистику. Факты, факты прежде всего! Сначала факты! Вернее, сначала деньги, потом факты, а затем уже Бог. Вот и вся великая триада.

Но и в этом случае, как всегда, самая главная сложность, и это мучило его, заключалась в деньгах. На какие деньги он будет так помпезно похоронен? Но в видении об этом не было и намека. Напрасно он потом перечитывал Библию, копаясь в ее деталях, чтобы разрешить этот вопрос. Никакие интерпретации, включая фундаменталистские, ему не помогли. Деньги были непроницаемы, недоступны даже путем таких толкований. Главная тайна его похорон и, следовательно, тайна смерти оставалась неразгаданной: на какие средства его похоронят?

Ведь после потери работы он стал гол и одинок, существуя черт знает как и на что, а тем не менее в пророчестве похоронили его довольно шикарно. В общем, картина была такова. Он лежал аккуратный, где положено, готовый исчезнуть под землей, а рядом стоял человек и три собаки. Потом подъехал огромный бульдозер и тут же около гроба стал рыть яму. Вырыл ее молниеносно, по-научному, и гроб моментально уложили в яму и закопали. Все это отняло минут семь, не больше. А человека и собак потом как ветром сдуло.

Впрочем, это были нормальные похороны — он нередко видел полуподобное. Правда, гробы провожали не собаки, а родственники, но они молниеносно тут же исчезали — все они были занятые, дорожили временем, а процедура была почти полностью автоматизирована. Зато гроб у него — в прозрении — оказался очень дорогим. В таких богатых гробах могли хоронить только сильных мира сего. Не исключено, что в нем налажен был кондиционированный воздух, но ему, видимо, так только казалось, и Крэк не считал это фактом.

При его теперешнем финансовом состоянии ему нечего было и думать ставить в свой гроб кондиционер.

Тайна оставалась тайной, и Крэк обычно продолжал хохотать да-

же после полного исчезновения видения. Не раз его били за этот смех.

И вот теперь в этом баре он чувствовал, что скоро опять будет хохотать — а уж с видением или нет, заранее это ему не дано было знать.

«Самое главное на свете — это свобода», — подумал он.

Какой-то приличный человек подошел к нему.

— Хау а ю? — сказал он.

— Хау а ю? — ответил Крэк.

Человек отошел, а Крэк начал хохотать. Сначала он упал своим большим лицом (с тыла голову уже покрывала седина) на мокрую стойку, разбив рюмку водки («за это придется заплатить», — сквозь бред подумал он). А потом из его большого красного рта (такого контрастного по сравнению с невинно-бездонными голубыми глазами) полились звуки, называемые в просторечии смехом. Но в баре все равно молчали и тянули виски. Крэк хохотал уже почти полчаса, а в баре все молчали и молчали. Просто у людей не было мыслей. Зато в телевизоре творилось Бог знает что: сначала появилось сухое, как испеченное яблоко, морщинистое лицо какого-то проповедника, предсказывающего победу добра над злом. Потом это сухонькое паралитическое личико исчезло и появился человек, переменявший свой пол: с мужского на женский. Он так орал (а потом впал в интеллектуализм), что комментатор отказался от комментариев. Затем в телевизоре был взрыв...

Хуже всего: видение похорон не появлялось. И тогда Крэка взяли за шиворот; потом он почувствовал, как кто-то обшарил его карманы, толкнул, дал пинка — и он оказался на улице в грязи. Освобождение не приходило. Крэк плакал, потому что кончился хохот, прошел без прозрений и даже не принес чувства «света», как бывало почти всегда. И он уже не бормотал на «ангельском» языке.

Нехотя он встал. Перед его взором была улица — все те же бесконечные ряды уродливых кирпичных домов. Люди мелькали как тени, спеша куда-то.

И тогда Крэк решил: если приступ смеха не принес ему желанного облегчения, надо придумать что-нибудь еще. Где же его пророчество, почему оно исчезло, почему он не видит свои собственные пышные и богатые похороны? Видно, Бог оставил его.

К счастью, этот человек из бара вынул не все деньги: самая большая сумма пряталась где-то в брюках, в укромном месте...

Крэка потянуло выпить. Но деньги еще надо было вынуть из тайника. Да, лучше не ходить в эти бары, где все молчат, а купить на последние гроши дешевую бутылку вина и выпить где-нибудь у помойки, в стороне...

Чтобы вынуть деньги, Крэк решил зайти помочиться, но бесплатных уборных не существует на земле, а в бар нельзя зайти просто так... Целый час Крэк шатался по улицам без успеха: двери клозетов были закрыты для него.

Наконец он решил помочиться на улице и под этим предлогом вытащить деньги. Крэк нашел где-то в стороне кирпичную стену, уперся в нее лбом, помочился и не без труда вынул зелененькие. Потом стукнул два раза лбом по кирпичной стене, чтобы подтвердить свое существование.

Более веселый, чем прежде, он пошел по улице в поисках дешевого вина. Красный огонек и что-то гомосексуальное на витрине заманило его в маленький винный магазинчик. Владелец, оловянно оглядев его, сказал:

— Хау а ю?

Крэк ничего не ответил: эта была его высшая форма протеста. Ему пришлось нагнуться и унизиться, чтобы достать в углу дешевую бутылку: он даже чуть не обнюхал ее. Обернув ее в носовой платок, Крэк двинулся к пустырю. Там, на отшибе, вдали от больших машин

с манекенными людьми внутри, он расположился посвободней, растегнул рубаху, отряхнулся. И прильнул к бутылочке.

Когда он очнулся, рядом с ним, метрах в десяти, сидела на земле огромная старуха, прислонившись к бетонной стене (за стеной было частное владение), и мочилась под себя. Желтая, грязная моча необъятным потоком (точно мочилась лошадь) текла мимо Крэка, не достигая его. Старуха ничего не пела. Напротив, она тоже молчала.

И тогда Крэк закрыл глаза: эта старуха не пугала его. Хорошо, если рядом с тобой есть хоть одно живое существо.

И он стал вспоминать свою жизнь. Время, когда он был богатым и сильным. Да, к слову сказать, Крэк был в свое время преуспевающим священником, «министром», имел широкую паству, и звали его тогда не Крэк, а Грегори Дутт.

Это было не так уж давно, всего несколько лет назад. Но началась его карьера; по существу, гораздо раньше, почти в детстве. Грегори с родителями жил в маленьком, но довольно знаменитом провинциальном городке — знаменит он был своим университетом. Мелкий бизнес тоже процветал в нем и, конечно, американский футбол. Но молодой шестнадцатилетний Грегори избегал играть в футбол — такова была его странность.

И вот тогда, узнав об этом, друг их семьи, худой длинный профессор истории Дик Робертсон, неожиданно захохотал — он, вообще говоря, редко хохотал и почти не улыбался.

— Грегори, ты, наверное, имеешь склонность к спиритуальному, раз ты не любишь футбол, — сказал он, смеясь.

Молодой Грегори почему-то хорошо запомнил его слова (его, правда, обидело то, что Дик явно издевается над самой идеей «спиритуального»). Отец же Грегори хотел, чтобы сын пошел по бизнесу, но судьба распорядилась иначе. Грегори встретил протестантского священника (после службы, за чаем, в приходской церкви), которому очень понравился этот немного толстоватый, добродушный парень с голубыми глазами.

— Грегори, — сказал священник, — советую тебе пойти по моему пути. Кто был наш Учитель? Прежде всего, он был бизнесмен. Твой отец торгует автомобильными шинами, а он торговал бессмертием. И скажу тебе, это была самая успешная торговля за всю историю человечества. Твой отец, я знаю, всегда молился Христу, чтоб успешней шло его дело и текли денежки. Так поступает каждый истинный американец. И когда твой отец хорошо молится — бизнес всегда идет отлично, отец признавался мне в этом. Он торгует шинами, а ты торгуешь бессмертием. Это доходное и чистое дело. Тебя научат.

Грегори решил не откладывать бизнес в долгий ящик. Просматривая газеты, он наткнулся на объявление: «Становись священником. За небольшую плату ты сможешь заочно обучиться у нас этому ремеслу. Выдаем диплом. Не теряйся. Пиши по адресу...»

Далее следовал адрес.

И Грегори написал. Так или иначе, окончив потом что-то «очное», он стал священником. И начал быстро продвигаться. Он был, как все преуспевающие священники его плана, энергичный, бодрый, в меру начитанный и с необъятной белозубой улыбкой на лице. Его смех был нормальным смехом американца из среднего класса. Никакими озарениями этот смех не сопровождался, но, правда, он был чересчур монотонным (прочем, как и у других). Но тогда Грегори не понимал характера такого смеха.

Зато теперь, около этой обмочившейся бабы, Крэк с тревогой отметил прошлую монотонность своего смеха. Он вспомнил, как он удивил им одного иностранца, когда подарил ему брошюру с проповедями и засмеялся... Да, да, тогда он смеялся, как все, и не было в этом смехе ничего.

Грегори быстро распознал некоторые секреты пасторской «спиритуальной» кухни.

Довольно сложно, однако, было с психологией масс. Массы плохо верили, все более заражаясь индифферентностью. В церковь ходили как в клуб — пить чай, кофе и поболтать. Приход у него был в одном провинциальном городке, недалеко от его родного К. — тоже университетский был городок, благополучный, для среднего класса. Машины у «благополучных» были длинные и широкие, и после службы некоторые уезжали за покупками — в магазины, которые были красивее, чем храмы. Храмы же здесь больше походили на магазины средней руки.

Но Грегори подобрал некоторые ключики к сердцам прихожан. Самый верный ключик — это упор на то, что с молитвой бизнес идет успешней. Грегори и сам верил в это, и порой убеждал других. Гораздо реже он прибегал к другому средству — к страху перед смертью. Средний класс о смерти вообще не догадывался, но Грегори упирал на то, что, мол, «вы со своими автомобилями в рай не въедете». Эта фраза, правда, немного озадачивала и его самого, даже настаивала — свой автомобиль он очень любил.

Он не прочь был поставить эту идею под сомнение, но вера не позволяла. Зато Грегори твердо знал: чтобы хорошо и уверенно жилось на этом свете, чтобы процветали дела и всегда было хорошее настроение, чтобы все было прочно — надо все-таки иметь уверенность, что на том свете что-то есть, даже не что-то, а жизнь, причем как бы продолжение этой, если не совсем в форме автомобилей, то хотя бы в похожей.

И он чувствовал, что его прихожане тоже хотят — хотя бы в подсознании, — чтобы их холодильники, телевизоры и пылесосы были приобщены к вечности.

Поэтому сакральная фраза «вы на своем автомобиле в рай не въедете» смущала пласт подсознания Грегори. Ведь его люди именно этого и хотели. Но что делать, бизнес Грегори был особенный — «спиритуальный», как похохатывал профессор истории Дик Робертсон.

Семейная жизнь его удалась. С женой он имел контакт, разговаривал — не в пример некоторым другим. К несчастью, их единственный ребенок умер — Грегори сам отпевал его в церкви. В могилу положили его любимые игрушки — заводной автомобиль и автоматическое ружье.

Зато процветал дом, машина, сад. Была ли тайная кровоточина, скрытый порок, мордобой при закрытых дверях, сверходинокство — все то, что подтачивает порой семейную жизнь среднего класса? Ничего подобного не было, но было другое — жена Грегори, Пэт, ревновала мужчин к долларам. Это была ее личная, вполне интимная странность, черта, пожалуй, действительно необычная, — умилился Крэк даже теперь.

— Моя жена — экстраординарное существо, — твердо решил он в конце концов.

Началось все с телевизора, за которым просиживали многие вечера и годы — после работы. Пэт еще в юности обратила внимание на некоторые не в меру толстые, лоснящиеся, довольные, почти свиные физиономии, заполнявшие телевизионный экран. Это могли быть проповедники, бизнесмены, финансовые магнаты, преуспевающие писатели, актеры, сенаторы, журналисты, — кто угодно. Но общим в них было то, что когда они произносили заветное слово Америки, то в их голосе звучала похоть, бесконечная и бездонная (некоторые даже чуть повизгивали, произнося его). Это священное слово было, конечно, «топеу» (деньги).

Пэт даже казалось, что все эти люди испытывают микрооргазм, когда выговаривают «топеу», несмотря на то, что они «выговаривали»

эти звуки довольно часто. О чем бы ни шла речь — о Боге, о вселенной, о науке, о политике, о стариках, — это слово всегда произносилось, оно было вездесущим, и им все заканчивалось и к нему все сводилось. И оргазм, оргазм, оргазм — Пэт чувствовала его в каждом взвизге, оттенке, нюансе, с которым произносилось это слово. Кошмары мучили ее по ночам. Ей снились эти бесконечные рожи — лидеров, мнимых оппозиционеров, проповедников, артистов, лауреатов премий для гениев — с маленькими холодно-бессмысленными глазками и сочными губами, с которых вместо слюны, казалось, стекала сперма, когда они произносили название своего божества.

Надо сказать, что Пэт наполовину была европейка, да еще ирландка, может быть, поэтому, — так думал впоследствии Грегори, — она оказалась подверженной сексуальным негациям по отношению к долларам...

...На третий год их совместной жизни Пэт стала подозревать, что ее муж с таким же сладострастием, как и коронованные долларовые знаменитости (впрочем, как и не знаменитости тоже) произносит это слово. Тогда она стала прислушиваться. Грегори никогда не забывал произносить «топеу» в разговорах с женой и на проповедях (но считалось неприличным говорить об этом среди знакомых, на вечерах и т. д.). Действительно, он просто упивался этим словом. И на Пэт повеяло ужасом — нет, она тоже преклонялась перед деньгами, но она строго различала деньги и любовь. Это был ее романтический европейский предрассудок. Кроме того, главное заключалось в ревности...

Пэт начала следить за Грегори и сравнивать его интонации с телевизионными. По телевизору — когда тремел поток обычного промывания мозгов — все слова произносили все-таки нормально, одинаково, но «топеу» — о, как Пэт чувствовала это! — произносилось с придыханием, с молниеносным, почти неуловимым стоном, абсолютно идентичным стону при оргазме, только потише и незаметнее. Фактически это были микрооргазмы. И Пэт выла от злости: ее Грегори — ее лучезарный муж — был тоже во власти этого всемогущего микрооргазма.

И чем дальше, тем больше — его интонации стали совершенно совпадать с телевизионными.

Однажды они сидели вместе за утринним кофе.

И тут Грегори превзошел сам себя. Произнося «топеу», он даже закатил глазки. Да, да, закатил глазки, почти молитвенно. Этого Пэт не выдержала, она вскочила, разрыдалась и разбила чашку об пол. Тогда и произошло первое объяснение. Грегори был потрясен и счел, что его жена чуть-чуть тронулась.

— Но все-таки это романтическое сумасшествие, — решил он, а потом вдруг поймал себя на мысли о том, что он действительно испытывает нечто вроде микрооргазма, когда говорит «топеу». (Причем наибольшее, подленькое содрогание он чувствовал на последнем звуке: «и», «и», «и»!). Как он раньше не замечал? И, несомненно, многие другие испытывали это тоже.

Но Грегори любил Пэт и тут же дал ей торжественную клятву никогда не испытывать больше этот «микрооргазм», как она деликатно выражалась. Он посмотрел в глаза любимой: они были в слезах.

Целая неделя прошла благополучно. Но потом мнительная Пэт стала жаловаться: ты насилуешь себя, ты сдерживаешься ради меня, но на самом деле ты хочешь этого, хочешь! И твое подсознание подчинено этому желанию!

Против таких доводов Грегори был бессилен: как доказать, что его подсознание чисто как стеклышко? Да оно никогда и не было чистым, даже в детстве, такого не бывает на свете. И тогда он наорал на Пэт и первый раз серьезно побил ее.

Потом они заключили компромисс (компромисс — это путь к счастью, учили их в детстве).

В конце концов, у Грегори — из-за всей этой истории — постепенно действительно развился настоящий эротический вкус к деньгам. Это стало его тайной. Оргазм без мысли о деньгах стал для него не оргазм. Сексуальная жизнь его сопровождалась теперь этой мыслью. Но жена, конечно, не знала ничего, и, по-видимости, компромисс продолжался. Грегори избегал произносить «это» слово.

Под большим секретом он обратился к знаменитому психиатру в Нью-Йорке. Но психиатр, выслушав его, взвыл от радости и заявил, что это вполне нормально и что он сам это испытывает. И содрал с него порядочную сумму долларов, тут же отпустил его восвояси.

— У меня много клиентов, и я не лечу здоровых людей, в отличие от некоторых врачей и хирургов, — крикнул ему психиатр.

Грегори решил прикрыть «тайну» навсегда, по крайней мере, для посторонних. В конце концов, почти в каждой семье, особенно среднего класса, есть свои секреты, подчас жутковатые, но многие продолжают жить вместе, — думал он. И он решил жить.

Катастрофа пришла из совсем другой сферы. Он потерял работу. Все было кончено.

Грегори совершил ужасную, непоправимую ошибку, которая повлекла за собой цепь других. И виной всему была его эмоциональность, провалы в наивность, которых никогда себе не позволяли его коллеги...

— Ты ребенок, Грегори, большой ребенок. Кое-что очень важное ты не уловил в своей профессии и потому наказан, — сказал ему Дик Робертсон, историк.

Крэк трепал ужас при одном воспоминании о Катастрофе... И теперь, на этом пустыре, он тяжело вздохнул, пытаясь отогнать мысли... Обмочившаяся женщина, кажется, ушла...

Дальше все пошло, как полагается, когда американцы теряют работу (с вариациями, конечно) и не могут найти другую. Ступенька за ступенькой — вниз (к тому же, он попал в черный список).

Он стал пить, от него ушла жена, его любимая (если не считать долларов) Пэт. Она сказала, что ей не нужны такие небожители, умеющие только любить деньги, а не делать их. Но не менее ужасной была вторая катастрофа — следствие первой: выпивши, он сел за руль (раньше он никогда этого не делал) и попал в автомобильную аварию. Она не была очень тяжелой, но потом он заблел: стресс, отчаяние. Лечиться пришлось по-настоящему, врачи драли три шкуры с каким-то даже неистовством и озлоблением. Каждое их слово, каждый чих, не говоря уже о прикосновении, стоили многих долларов.

Вскоре с молотка пошло все приобретенное за годы блестящей карьеры: автомобиль, дом (тем более, он еще был должен банку), мебель...

После болезни он перешел на жалкое, полунищенское социальное пособие и скрылся от стыда и презрения в бездне и хаосе нью-йоркского метрополиса. Больше того, именно там (а может быть, во время странной болезни) с ним произошла трансформация: он почувствовал, что личность его как бы заменена другой. Он стал не Грегори Дутт, а Крэк. В окончательном смысле это было связано с хохотом как с неким символом. Его прежний, монотонно-торжественный, но ничего не выражающий средне-американский белозубый смех, конечно, исчез. И вместо него появился другой — хохот с большими озарениями. В центре этих пророческих озарений стоял его гроб.

...Крэк очнулся. Да, да, эта паршивая баба ушла. Теперь он свободен, он один, он стоит, как вопрос, посреди пустыря, рядом с бетонной кирпичной стеной и желтой лужей. Он — Бог, ибо человек создан по образу и подобию Божию. Так чего же горевать? Надо сегодня же **взять свое.**

Дело в том, что у Крэка оказались лишние деньги (долларов двадцать) и жетоны в сабвей. Около десяти странно приобретенных жетонов. А это было существенно: проезд в сабвее стоит серьезных денег. На это можно истратить все свое пособие, если разъезжать слишком много.

Но сегодня он хотел себе это позволить — раз оказались даровые жетоны. Крэк хотел всю погулять по Манхэттену.

День еще только начинался, и солнце пекло неиссякаемо-яростно, словно прогнав все тени, но Крэк любил жару: у него у самого внутри был сплошной жар. Особенно в мозгу.

И он неопределенно поплелся к сабвею — направление на Манхэттен. Вот они маячат издалека, его небоскребики.

Откровенно говоря, Крэк — при всем своем знакомстве с трущобами Нью-Йорка — немного побаивался входить в метро или в подобные мрачные места. Взять с него было нечего, а убить могли. Такие мысли лезли ему в голову, возможно, от его природной нервности, но он никак не мог — в отличие от других — привыкнуть к постоянной опасности в жизни.

Однако на этот раз сабвей встретил его тихо. Несколько вооруженных с головы до ног полицейских оказались в вагоне. Крэк смотрел на рожи, которыми были разрисованы стенки. Ему повезло. Как ошпаренный, он выскочил на сорок второй улице — туда, туда, скорей в клоаку ощущений. Это был его мир, его добыча, с кровью по щекам.

Сорок вторая встретила его шумом, криком, калейдоскопом реклам и потоком истерических людей. Двое черных вслух читали на углу Библию. Направо были порнографические кинотеатры, где шли секс-фильмы на любой вкус. С рекламы прямо в лицо Крэку дышали две огромные лесбиянки. Налево — фильмы ужасов, и дым стоял на этой половине. В центре, на шоссе, — непрерывный поток машин, свистки и ругань водителей.

На сей раз Крэк завернул налево, где фильмы ужасов. Он любил пугать себя: клетки тела от этого становились здоровей. Он юркнул в открытую черную пасть кинотеатра и оказался в узкой длинной грязной комнате, в клубях дыма от наркотанных папирос. У входа стояли двое вооруженных полицейских. Кинофильм уже шел (только что начался), и показывали в нем, как черви пожирают изнутри молодое жирное тело женщины, вываливаясь из-под лопнувшей в некоторых местах кожи.

Весь фильм шел про одержимых червей и про пожирание ими человека.

Но то, что творилось в зале, было еще страшней, чем на экране. Крэк даже вздрогнул: он давно не посещал сорок вторую, не было денег. В зале сидели одуревшие от наркотиков молодые люди, многие ходили между рядами в полутрансе, раздавались какие-то стоны, взвизги, сумасшедший хохот. У Крэка было такое ощущение, что вот-вот начнется резня. Но полицейские были невозмутимы.

Крэк осторожно присел с краю. И вздрогнул. Рядом расположился такой свирепый, что Крэка чуть не стошнило от страха. Крэк знал, что если он покажет свой страх — попытается, например, сразу улизнуть на другое место, — могут быть последствия. Могут даже прирезать — несмотря на полицейских; гарантий не было. И Крэк усилием воли заставил себя сидеть. Свирепый излучал такую звериность, что затмил все, что происходило на экране. Во всяком случае, так показалось Крэку. Он сидел, стараясь не шевелиться, хотя сердце билось в предчувствии острия.

Но его пытка, к счастью, продолжалась недолго. Свирепый вдруг встал и ушел в глубь зала — туда, где раздавались стоны. Крэк немного успокоился и незаметной жирной тенью пересел поближе к по-

лицейским. Тут он вздохнул спокойно. Громообразные, с автоматическим оружием по бокам, они были рядом.

Крэк, вспотевший, стал приходить в себя и наслаждаться ужасом и садизмом на экране. Там черви угрюмо ели — человеческие тела переходили в небытие одно за другим. Весь огромный экран перед этой курящей, орущей толпой представлял собой клубок бесконечных червей, пожирающих и людей, и самих себя. Крэк ликовал: каждая клетка его тела отдыхала и вздрагивала в упоении. Освеженный, точно из турецкой баньки, он выскочил на улицу, готовый жить...

Поток жары встретил его на Бродвее. Небоскребы кричали рекламами, пускало дым изо рта огромное размалеванное бумажное лицо на тридцать втором этаже, выли машины и бежали люди. На ходу что-то всовывалось в потные руки (рекламы «массажистских» кабинетов, дешевых «салонов» и т. д.). От самой краски несло смрадом.

Крэк юркнул в закусную — пиццерию. Пот заливал его, а в уме еще были черви. «Что будет с моим задом на том свете!» — подумал он, садясь за трясущийся стол.

И черви исчезли из головы.

В пиццерии все наслаждались жарой, кока-колой со льдом и едой. Крэк жадно ел, впитывая в себя куски — каждый глоток придавал наслаждение внутреннему телу и уму, освеженному червями. Руки его дрожали, а голубые бездонные глаза неподвижно глядели на улицу, где неистовал поток ног — белых, черных, синих, красных, разноцветных. Пот проникал в глотку, не мешая наслаждению. Это была его доля добычи — простая, наиболее доступная (хотя пять долларов для него была большая сумма), но вместе с тем — реальная.

Кругом — с реклам, с листов, с газетных обрывков, из пастей телевизоров — кричало, выло, вопило: «Наслаждайся, наслаждайся, наслаждайся!» Пока еще не пришел твой час. И в наемном голосе, льющемся по радио, тоже звучала доверительность и сладострастие...

А кругом — в пиццерии — ели и жрали толпы людей: стоя, сидя. Всё пило, жевало, плевало. И солнце равнодушно светило в окно — как будто сквозь тела небоскребов.

Наконец Крэк, ошалевший от этих простых ощущений, забылся в грезе о «массажистском» клубе. Ему это тоже было недоступно. Он выбросил на пол назойливые рекламы — вместе с рекламой пророчицы, которая могла предсказать, сколько вы будете зарабатывать через десять лет. Только в желудке его еще вилось змеей последнее наслаждение.

Он приподнялся, схватил рекламный обрывок (он тоже призывал к наслаждениям — но уже другого, более закрытого рода), положил его в рот и начал грызть. Это было уже неадекватно: никто так не ведет себя в пиццерийной толпе. Полусъев газету, Крэк выплюнул остатки на пол и пошел — вперед.

Теперь он знал, куда идти. Некая трансцендентность овладела им. Надо было по этому зову бежать, бежать: по прямым, но змеиным улицам Нью-Йорка — в сабвей — вокруг Нью-Йорка — кольцом — как змея. И искать, искать. Что искать? Удачи, счастья, лотерейного билета? Крэк не знал: что-то иное вело его теперь. Не до золота ему было — не до счастья — но он знал: надо искать. Или просто бегать.

Он побежал по улицам, где из каждой витрины протягивались щупальца. Блеск золота переходил в трепет дерьма. Он дважды наступил на него — на теплое, человеческое — рядом с дымом, идущим из-под земли. И тут же его оглушил завывшими рекламами небоскреб. Слоновьи бивни поднимались вверх из окон фешенебельных магазинов. Унылый старикан целовал свой искусственный член, распластавшись в пыли на тротуаре. И тысячи ног равнодушно шагали около него.

Крэк исчез в подземном люке метро — на этот раз его понесло в далекую сторону. В вагоне, съезжившись, он смотрел в глаза окру-

жающим: вагон пошатывало, но вид людей пугал его женственную душу. Поезд приближался к самым плохим регионам. С каждым новым пассажиром Крэк все больше съезживался: убьет этот или нет?! Каждым ударом своего сердца он считал потенциальных убийц. Какой он все-таки неприспособленный! Ведь лица других пассажиров — он удивлялся им — были каменные и внешне равнодушные: даже если входили их будущие убийцы. Но на него, видимо, нападали приступы желания жизни — особенно после вкусной еды или фильмов ужасов. Наконец, он жалел своей потерянный ум, который — после смерти — уже не сможет ни о чем думать. Вскоре он выскочил из метро.

На этот раз Крэк заплутался. Мелькали ярко-синие и красные рекламы, выли полицейские сирены, что-то неясное упало ему под ноги, но он метался из одного тупика в другой, входил, выходил, прыгал — и наконец, после многочисленных бессмысленных метаний оказался около трущоб. Он огляделся: это были необычные трущобы, Крэк еще не видел таких: ведь Нью-Йорк бездонен. Но по ряду признаков он понял, что попал в Южный Бронкс — в трущобы среди трущоб, в огромный регион, протянувшийся к северу от Манхэттена. Действительно, целый город окружал его, но он был как после атомной бомбардировки. Рядами, потоками стояли остовы четырех-пяти-шестиэтажных зданий. А на четверть разрушенные выглядели как вполне нормальное жилье. Лишь где-то по углам виднелись скопления людей, а в целом длинные, уходящие вдаль проспекты со скелетами домов по бокам были зловеще прустынны.

Крэк посмотрел направо — ни одного человека и тишина. Посмотрел вперед — там на углу стояли люди, но такие, что Крэк не решился туда идти. Он робко взглянул налево и увидел, что по этой улице бредет вдалеке человек. И Крэк решил пойти по этой улице.

Но до человека было идти далеко. Кроме того, было неясно, шел этот человек или стоял. Стаи призрачных собак то и дело возникали в провалах между домами. Порой собаки пересекали улицу, были они худые и, казалось, грызли камни.

Иногда у дверей на ступеньках неподвижно лежали люди; их лица застыли в мертвой грезе без мысли.

Были ли это пьяные или эти люди заочечени от дешевых наркотиков, или они лежали просто так, перестав надеяться, — Крэк не знал.

Он шел и шел вперед, оглядываясь, думая о том, что будет с его глазами после похорон. На перекрестке показалась машина, похожая на те, которые, заржавленные, дырявые, стоят на огромных машинных свалках.

Крэк глянул в лицо водителя, и его отнесло. О да, он привык почти ко всему. Он видел и не такие лица — по выражению. Единственное, от чего его пошатывало — это от деформации. Он не был готов к таким лицам. Взять хотя бы того водителя — в нем Крэка особенно напугал нос, похожий на ногу здорового младенца.

Но тот, далекий, к которому он шел, напугал его еще больше. Крэк интуитивно понял, что у него, у дальнего, вообще нет лица. Видимо, он шел, покрытый покрывалом. Что же было скрыто за ним?

Крэк боялся таких ликов.

— Ты бы, парень, лучше топал отсюда, — послышался ему голос из здания, где всего лишь были выбиты стекла.

Но куда ему было идти, раз он сюда попал? Надо было притвориться, что он хочет покончить самоубийством, — как он слышал, к таким не приставали.

В разбитом окне появилась голова, и горб на лбу был, казалось, больше, чем само лицо. А глаз не было видно.

Но Крэк уже подходил к далекой дикой фигуре человека, идущего на него.

Еле сдерживая дрожь, он пытался не глядеть на него. И вдруг существо сдернуло покрывало.

Крэк сразу же упал — задом на твердый грязный тротуар, покрытый костями разложившихся животных.

Он не раз видел деформированных людей, но любил забывать об этом. Еще вчера он видел, например, женщину с почти утиным носом. Три дня назад он встретил — на тридцать второй улице — толстяка, фантастического не по величине (таких было много), а по очертаниям тела, принявшего форму птицы.

Но то, что он увидел сейчас, уже нельзя было назвать никакой деформацией. Это было «иное». Глаз мутанта, марсианина тускло глядел на него. Рта вообще не было, точнее, он был сдвинут почти к уху... Остальное нельзя было выразить. Страшен был череп своей абсолютной беспощадностью по отношению к жизни. Рук было как будто три.

Крэк чувствовал, сидя на тротуаре: еще один миг — и он тронется, а он и так уже был сдвинут после всех больших событий своей жизни. Но сейчас назревал последний окончательный полет. Сознание уходило от него. И в этот момент краем своего глаза Крэк увидел: его идут убивать. Быстро, уверенно к нему, размахивая руками, шел тот человек с горбом на лбу. В руках его был нож. И молния самосохранения пронзила бедного Крэка: «Спаستись, спастись!» — выло все внутри. Сознание вернулось на место.

Собственный крик поднял его на ноги. И в ту же минуту он, величественный и потаенный, сделал единственный ход, который мог его спасти. Он бросился в объятия мутанта. Три руки обвили его. Как сумасшедший, Крэк рвался поцеловать его губы, но губ не было, может быть, они находились где-то сзади или просто приняли иную форму. Язык бывшего пастора лизнул что-то странное: не то ухо, не то нос, не то просто отверстие. А из нутра Крэка рвался один только крик: — Мой друг!.. Мой друг!.. Наконец-то я тебя встретил!

Потенциальный убийца с горбом на лбу оторопел. С ножом в руках, острием своим направленным в нежную тушу Крэка, он застыл метрах в семи от него. Горб прикрывал глаза, так что их выражение трудно было разгадать.

Но потом из его рта полилась речь на чистейшем английском языке: — Ты знаешь Чарли? Ты друг самого Чарли?! Ты друг Чарли?!

Кроме этого, из его рта ничего не вырывалось. Потом человек с горбом на лбу повернулся, спрятал нож и пошел в обратную сторону. Крэк остался наедине с Чарли: только спина человека, хотевшего его убить, еще маячила некоторое время на длинной улице.

Он отпрянул, чтобы взглянуть получше на своего спасителя. Тот еще не произнес ни слова.

Кто это перед ним? Невозможно было понять, какой он расы, пола, происхождения или просто цвета кожи. Цвет был почти скрыт полшерстью и, видимо, неопределен. Светился только один глаз, большой и безумный. Был ли это потомок рабов, вывезенных когда-то из солнечной Африки? Или, наоборот, потомок дворян, князей, уехавших из древней Европы, чтобы спастись от бесконечных революций? Или красных индейцев, сохранившихся после истребления? Или просто это был потомок белых искателей свободы и счастья?

«Но не исключено, что Чарли — японец, переживший Хиросиму», — подумал Крэк.

Но внутри екнуло: нет, это мутант, пришедший из будущего — точнее, из светлого будущего. После своей трансформации Крэк ловил себя на склонности к мистицизму.

Чарли между тем как будто не произносил ни слова. Крэк все еще пребывал в некотором оцепенении. И вдруг холод прошел по его спине — он почувствовал, что Чарли уже давно разговаривает с ним.

Правда, это был полшепот, и так как челюсть была сдвинута, то

еле слышные звуки выходили откуда-то сбоку. Крэк, как корова, обещал Чарли, сделав полукруг, и зашел к нему со звучащего боку. Тогда ему явственно послышалась речь, но было непонятно, на каком языке говорит Чарли.

И вдруг Крэк ощутил всем телом: он спасен! Да, да, это было спасение не только от горболобого чудовища, но спасение вообще. Теперь с Чарли ему уже ничего не страшно! Он может спокойно пройти по всему Южному Бронксу, а это огромный город, по всяким его проспектам, и никто не тронет его. Конечно, пройти вместе с Чарли. Возможно, что в Южном Бронксе есть существа и почище Чарли, а может быть, таких и нет, — но все равно с Чарли ему открыты все двери. Он понял это по реакции горболобого. И может быть, в конечном итоге с Чарли ему открыты двери во все вселенные, ибо после того как он увидел Чарли, никакого страха ни перед кем уже не могло существовать.

Однако Чарли опять повернулся к нему лицом... шепот стал раздаваться в стороне... и мутант медленно пошел к Крэку, растопырив три морщинистые ладони. И тогда Крэк захохотал: это был уже не прежний приступ хохота, когда он видел свою будущую смерть, комфортабельный гроб и богатые похороны с собаками. В этом новом хохоте было другое: чистое ликование, напоминающее последнюю грезу о лучшем из миров — о нашем мире. Правда, на какое-то мгновение в его сознании проснулось обыкновенное, человеческое, и тогда Крэк закричал, схватившись за голову:

— Помогите! Помогите! Помогите!..

Но крик его, последовавший после хохота, тут же оборвался, а обыкновенное, человеческое угагло, ибо оно было бессмысленным — помощи не существовало.

И снова в глазах его, обращенных к пустынному небу, засияло ликование, то первоначальное ликование, которое возникло с этим новым хохотом. Он поднял руки, словно устремленные в безбрежность, и вдруг почувствовал, что Чарли обнимает его... Станный запах гнили проник в него. И Крэк опять захохотал — но уже полностью позитивно (без воя о помощи), пророчески, как хохотал всегда. Иными словами, Крэк был в объятиях Чарли. Дикая, голодная, призрачная собака подбежала и обнюхала их. Так и стояли они вдвоем в объятиях: мутант и толстый добродушный человек, когда-то торговавший бессмертием...

Вечерело. Их объятия были неподвижны, словно они превратились в окаменевших слонов. Крэк уже давно кончил хохотать: ничто не длится вечно. Пророчества были неопределенны.

Надо было что-то предпринять, чтобы наладить контакт с Чарли. Утомленный, Крэк слегка пихнул его в бок и наткнулся на острую, почти нечеловеческую кость. Чарли вдруг вздохнул. А потом начал пришепetyвать, словно никакой иной речи не существовало...

И вдруг Чарли побежал. Одной рукой он сделал жест, чтобы Крэк следовал за ним. И Крэк знал, что ему некуда деваться: все равно его прибьют, если он останется на месте. Только Чарли, внушающий трепет, спасет его.

Возможно, Чарли был идолом какого-то культа, — подумал на мгновение Крэк. И он чуть истерично побежал за ним. Мутант тут же свернул с проспекта, и они оказались в темноте зловонных просторов, окруженных домами-призраками (но «призраки» были наполнены людьми и крысами).

Крэк завopil: он считал, что нога человека из других регионов Нью-Йорка еще не ступала в эти глубины. Теперь уже несомненно: спасти его могла только близость Чарли. Если кто и входил сюда, то не выходил в прежнем виде.

А Чарли между тем очень быстро бежал: было удивительно, что столь деформированный человек может так нестись. Крэк задыхался. Но он боялся передохнуть даже на минуту. В пустоте черных окон мелькали огни, шевелились у непонятных углов какие-то тени, стаи существ перебегали ему дорогу. Холодную тишину прерывали внезапные крики.

— Помогите! Помогите! Помогите! — это был первый членораздельный крик, услышанный здесь Крэком.

Опять мелькали тени — у деревьев, в окнах, валялись на земле скорченные люди — через них надо было перепрыгивать или обходить их. Но этот крик — «Помогите! Помогите! Помогите!» — не оставлял Крэка, звенел в его ушах, не отпускал его.

Но Крэк упорно держался за Чарли, порой они бежали бок о бок. Оскал света сменялся улыбкой тьмы. И стоны возникали то там, то здесь.

И вдруг они выскочили на проспект. Крэк понял, что Чарли куда-то ведет его. Но куда?!

О, Чарли, Чарли, он вел его в свой дом, в свою конуру. Крэк почувствовал это.

Неживели здания, безответно рычали собаки, бежали люди, мертвецам сквозь тяжесть век и гробов виделось будущее — и свое, и этого города, а Крэк неутомимо трусил за Чарли — и вот они около огромной трущобы.

Окна напоминали выбитые глаза апокалипсического зверя. Лестницы не было, но лифт был. Друзья поднялись на пятый этаж.

Пискнула тварь, напоминающая птеродактиля.

И вот они — дома. В комнату вел туннель с окнами по бокам, в которые бились птицы. Кучи кала стыли по сторонам, как волны цветов. Крэку почудилось, что внутри одной кучи — человеческая голова. Он усмехнулся и помочился туда, рискуя потерять Чарли в темноте туннеля.

Но по шепоту он находил друга. Внезапно шепот остановился. Крэк заметил дверь — могучую и какую-то неподвижную. Чарли ударом трех рук открыл ее. Крэк почему-то ожидал увидеть внутри женщину — супругу Чарли или его сестру.

Но внутри не было почти ничего. Одно огромное зеркало висело на черной стене, треснутое и забытое даже своими отражениями. Может, оно и было сестрой Чарли. Две кровати, стулья. Стола нет. Не виделось и крыс. Одна тишина. И птицы не бились в окно.

Чарли подошел к своему непомерному зеркалу: посередине проходила трещина, и в зеркале вместо облика Чарли отражалась одна тьма. Правда, тьма шевелилась и имела форму. Крэк различил даже две руки, но третью не мог уловить, точно она исчезала в зеркале.

Потом Чарли опять зашептал. Крэк понял это как приглашение лечь на кровать. Кивнув, он присел на одну. И погладил свою тень.

— Покушать есть ли? — спросил он вдруг.

Чарли моментально понял — и нырнул куда-то почти в стену, там оказался шкаф, а из шкафа он вынул кастрюлю, и она с помощью его руки — описала круг в воздухе и оказалась перед Крэком на табурете. Крэк снял крышку и увидел внутри что-то ярко-красное...

И тут же голубой свет озарил его лицо. Оказывается, в третьем углу стоял многолетний, наверное, подобранный на помойке, с маленьким экранчиком телевизор — и Чарли включил его.

Сияли последние новости. Мелькнула чья-то вампирическая харя с невинно-стальными глазками.

— Выключи, — сказал Крэк.

Чарли выключил и отошел в темный угол, где ничего не отражалось. А потом вдруг стал раздеваться.

Крэк лег на кровать и закрыл глаза.

«Какая благодать», — подумал он, мертвее и погружаясь в сон.

И вдруг темный вихрь внутри поглотил его. У него не хватало даже слез, чтобы заплакать о себе. Вихрь уходил вовнутрь, в провал, из которого нет выхода. Последним усилием жизни Крэк решил приподнять веки. Веки были тяжелые, словно мертвый сон о своем будущем охватил его. Все-таки он приподнял одно веко. И увидел Чарли.

Чарли сидел рядом с ним на табуретке и был, по-видимому, уже раздет...

Вот это и добило Крэка. Тела как тела у Чарли не было, но существовало такое, от чего сам Чарли вдруг запел, глядя на себя голого. Крэк слушал это пение как собственный приговор. То, что он видел своим единственным холодеющим глазом, выходило за пределы ужаса, и чудилось пастору, что он сам теперь, как свидетель, становится нежитью, не входящей в рамки любых миров.

И постепенно кровь Крэка превращалась в ее антипод. Он уже не чувствовал ее всеохватывающей космичности, голоса богов и звезд уже не звучали в его крови, она — по своему духу — становилась все чернее и чернее по мере того как Чарли пел. Крэк видел само живое тело Чарли — но, увы, все смешалось в его мозгу, и глаз не мог дать окончательного сигнала в душу.

Один образ, один вопрос стоял на дне страха: что это — тело или проекция души Чарли?

Грегори Дутт закрыл свой единственный глаз, опять уходя в сон. Темный вихрь внутри, точно получив энергию от присутствия обнаженного Чарли, уводил сознание в пропасть. Крэк (Грегори Дутт) на мгновение постиг, наконец, что умирает, но умирает какой-то особенной, может быть, нечеловеческой смертью, недоступной даже крысам...

Впереди — туннель мрака.

И вдруг в конце туннеля он различил свет. Да, да! Вот они — его собственные напророченные похороны (он видит их) — только почему он не хохочет, почему нет последнего предсмертного хохота?!

Вот и странные голодные собаки, которые всегда плелись за его гробом, вот и одинокий неизвестный человек рядом, вот и крепкий гроб, в котором он лежит.

Все было как раньше, как будет всегда...

Но некоторый сдвиг все-таки есть. Ведь теперь он не хохочет, когда видит эту процессию, а умирает... И, наконец, появились другие черты: из гроба высунулась его голова, так любимая им раньше. Но один глаз был закрыт — словно уже смотрел в мир мертвых. Зато другой был, напротив, живой, даже подмигивал. Как-то нагло подмигивал и с непонятным для ума значением. Впрочем, Крэк чувствовал, что человеческий ум его исчезает навеки, и у него уже никогда потом не будет человеческого ума...

Голова спряталась в гроб, и на минуту обозначилась рука, белая, бесцеремонная, детская (словно Крэк превратился в ребенка), и махнула собой в чикуда, примиренно и загадочно. Но кто же он, Крэк, на самом деле — тот, который лежит в гробу и машет рукой в неизвестность, или тот, кому это все снится и который тоже умирает? Он сам не знал этого. Однако пророческий сон с крепким гробом, голодными собаками и неизвестным господином внезапно кончился, погас и свет в конце туннеля, Крэк — уже не человеческим умом, а каким-то другим, вдруг на мгновение появившимся, — понял, что возврата нет, что он уже не умирает, он умер...

Чарли продолжал сидеть на табурете около трупа Крэка, равнодушно помахивая тремя голыми руками.